

Банман Полина Павловна

СИБИРСКИЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗЕ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Э. Э. ДВИНГЕРА)

На основе текста мемуаров Э. Э. Двингера "Die Armee hinter Stacheldraht" (1929) рассматривается вопрос о сибирском компоненте в образе России в период Первой мировой войны. Основное внимание направлено на изучение географической и политически-идеологической составляющих образа Сибири. Являясь эго-документом своего времени, анализируемый текст встраивается в сибирский мегатекст, ярко репрезентируя негативность в восприятии как Сибири, так и России в целом. Текстовые репрезентации из мемуарного текста подтверждают существование стереотипных представлений образа Сибири и России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 17-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-94 мемуары

На основе текста мемуаров Э. Э. Двингера “Die Armee hinter Stacheldraht” (1929) рассматривается вопрос о сибирском компоненте в образе России в период Первой мировой войны. Основное внимание направлено на изучение географической и политически-идеологической составляющих образа Сибири. Являясь эго-документом своего времени, анализируемый текст встраивается в сибирский мегатекст, ярко репрезентируя негативность в восприятии как Сибири, так и России в целом. Текстовые репрезентации из мемуарного текста подтверждают существование стереотипных представлений образа Сибири и России.

Ключевые слова и фразы: мемуары немецких военнопленных; Э. Э. Двингер; образ России; образ Сибири; сибирский мегатекст; прецедентные топонимы.

Банман Полина Павловна, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
banman.poly@yandex.ru

СИБИРСКИЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗЕ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Э. Э. ДВИНГЕРА)

В настоящее время вопрос об образе России в мире актуален как никогда. Служба Би-Би-Си регулярно проводит опросы общественного мнения, согласно которым отношение к России в мире постоянно ухудшается [3]. 1 июня 2017 г. В. В. Путин на встрече с руководителями международных информационных агентств в Санкт-Петербурге в рамках «Петербургского международного экономического форума» назвал русофобию очевидной и заявил, что она «из некоторых стран так и хлещет через край» [5]. 6 июня 2017 г. Майк Пенс, вице-президент США, назвал Россию и Иран наряду с терроризмом в числе главных угроз миру [4]. Однако подобный негативный образ России сложился достаточно давно. Проведенный анализ образа России и Германии на материале мемуаров Э. Э. Двингера [1; 2] показал, что уже и сто лет назад Россия воспринималась как враг, отставшая в развитии страна, государство произвола и отсутствия порядка, с которым надо покончить. В данной статье остановимся на исследовании сибирского компонента в негативном образе России. Сибирь в силу ряда геополитических и исторических причин оказывается известной в том числе и немецким военнопленным. В качестве материала исследования использован мемуарный текст Э. Э. Двингера “Die Armee hinter Stacheldraht” (1929), который изучается нами в рамках «сибирских мегатекстов», семиотического образования палимпсестного характера [10].

Анализируемый «сибирский дневник» Двингера посвящен доктору Эльзе Брендштрём, которую называли “Engel von Sibirien” – «сибирским ангелом». Военнопленные называют ее между собой «белокурым ангелом». Эльза Брендштрём является автором книги “Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien” («Среди военнопленных в России и Сибири») (Швеция, 1921). Г. Вурцер удивляется тому, что современникам, читавшим “Die Armee hinter Stacheldraht” не бросились в глаза параллели с произведением Э. Брендштрём. Двингер просто пересказал отдельные фрагменты данной книги. Сыновья Двингера в интервью, данном Г. Вурцеру, подтверждали, что части автобиографического произведения их отца являются вымыслом, однако подчеркивали его скрупулезные поиски материала. Созданный им в произведении образ России как нельзя лучше доказывает, что ему удалось удовлетворить желания и потребности своих читателей [12, с. 105].

Возможность познакомиться с Сибирью впервые представилась Двингеру, как он сам пишет в анализируемом тексте, еще в детстве, когда, катаясь на карусели на ярмарке, он увидел в шатре одну из украшавших его картинок, на которой был изображен традиционный и стереотипный сибирский пейзаж с сугробами, через которые бородатые казаки гнали ссыльных мужчин и женщин [11, S. 106]. Омск был знаком Двингеру по «Запискам из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, в которых проявляется политически-идеологический компонент образа Сибири как страны каторжников и ссыльных. «Мертвым домом» можно назвать и лагерь военнопленных. Однако те адские условия, описанные Достоевским, когда-то потрясшие Двингера, кажутся ему в условиях пребывания в лагере в Тоцком раем. Зейдлицу Сибирь знакома по книге Дж. Кеннана «Сибирь», которая была запрещена в России для распространения и вызвала большой резонанс как в самой России, так и во всем мире. Среди основных компонентов образа региона у Кеннана следующие: Сибирь – «страна бессудия и несправия» и Сибирь – тюрьма [8]. Названные произведения также свидетельствуют о существовании и участвуют в формировании стереотипного отрицательного образа Сибири и России, носившего как личностно-бытовой, так и обобщенный характер. Отметим, что «образ мира, который формируется в системе координат определенной этнической культуры, является базовой составляющей культуры этноса» [7, с. 117]. Автором пропагандируется стереотипное представление о России, существовавшее в сознании немцев еще с XVIII в.: прежде всего, это образ бесконечной и холодной страны, отсталой и нецивилизованной, в которой отсутствует порядок, страны произвола. Созданный в тексте образ «чужой» страны закрепился в массовом сознании и сейчас превратился в образ врага, связанный с восприятием мира в парадигме «свой – чужой».

Для начала повествования характерно несколько мечтательное настроение Двингера, что можно подтвердить следующим примером: *Ich dehne mich und träume vor mich hin. Moskau – Kreml – Sibirien. Ist es nicht traumhaft* [11, S. 63]? / Я размышляю и мечтаю. Москва – Кремль – Сибирь. Разве само по себе это не сказочно [6]? Названные топонимы высокой культурной значимости можно отнести к прецедентным, поскольку они способны не только накапливать и актуализировать культурно значимую информацию, но и вызывать различные ассоциации, также зачастую достаточно стереотипные.

В образе Сибири нами были выделены следующие компоненты.

1. Географический компонент формируется благодаря наличию разнообразных топонимов. Сибирь представлена в тексте мемуаров Двингера следующими названиями: Омск, Николаевск, Тайга, Ачинск, Красноярск, Иркутск, поселок Голоустное и др. Традиционно Сибирь ассоциируется с неблагоприятными погодными условиями – с холодом и морозом, которые непереносимы для жителей Центральной Европы. Однако Двингер пишет, что и лето в Сибири так же ужасно, как и зима: *Aber der sibirische Sommer ist so qualvoll wie der sibirische Winter!* <...> *Gestern maßen unsere Ärzte am Krankenhaus 48 Grad Hitze. “Hundert Grad Differenz – das hält kein Teufel aus”* [11, S. 227]. / Но сибирское лето так же мучительно, как и сибирская зима! <...> Вчера наши врачи в лазарете намерили 48 градусов жары. <...> – Перепад в сто градусов – тут и дьявол не выдержит [6]! Автором отмечается и особая красота Сибири, и бесконечность ее просторов, и необычность флоры, совершенно незнакомая большинству военнопленных: *Nach dem Ural beginnt Sibiriens Unendlichkeit. In diesen Frühlingstagen sieht es viel menschenfreundlicher aus, als wir es uns eigentlich vorstellten. An ganzen Wäldern roter Rhododendronen fahren wir vorüber, an ganzen Feldern leuchtender Tulpen, schneeiger Narzissen, rotenfarbener Nelken. ...zuweilen bleiben unsere Augen an feuchten Feldern mit großem Edelweiß und seltsamen, bizarren Orchideen hängen... “Das ist Sibirien?” fragt Pod. “Und Edelweiß gibt's auch?” der Schwalangscher* [11, S. 144]. / За Уралом начинается бесконечность Сибири. В эти весенние дни перед глазами предстают намного больше приятного для человеческого глаза, чем мы ожидали. Мы едем через сплошные леса красных рододендронов, поля тюльпанов, снежных нарциссов, розовых гвоздик. ...временами наш взгляд приковывают влажные пятна крупных эдельвейсов и странных, необычных орхидей... – Это Сибирь? – спрашивает Под. – Здесь и эдельвейсы? – удивляется Баварец [6]. Многочисленные эпитеты помогают автору воссоздать первозданную красоту Сибири времен Гражданской войны, однако даже эта красота кажется военнопленным чужой и непривычной. Это не просто описание природы, это выражение недоверия к этой стране, в которой все так противоречиво и непонятно.

2. Политически-идеологический компонент. Сибирь вызывает негативные ассоциации, прежде всего, у самих русских. Одна из сестер милосердия в лазарете упоминала, что любое проявление дружелюбия и человеколюбия по отношению к военнопленным грозит Сибирью или лишением имущества [11, S. 58]. Капитан в лагере, к которому ходил Двингер и просил прийти к ним в барак и хоть что-нибудь сделать для улучшения их положения, также сказал, что если станет известно о том, что они разговаривали тайком, его разжалуют и отправят в Сибирь [Ibidem, S. 114]. В ходе исследования было проанализировано более 50 контекстов, в которых упоминается топоним Сибирь, чаще всего в выражениях *nach Sibirien schicken/bringen* (отправить(ся) в Сибирь) и *nach Sibirien* (в Сибирь), которые звучат для военнопленных как приговор. Приведем следующий пример: *“Nach Sibirien, nicht wahr?” “Ja, nach Sibirien. Obwohl es ausdrücklich ausgemacht wurde, daß im Kriegsfall kein Gefangener nach Sibirien gebracht werden dürfe!”* [Ibidem, S. 62]. / «– В Сибирь, не так ли? – Да, в Сибирь. Хотя существует четкая договоренность, что в случае войны ни один пленный не должен быть отправлен в Сибирь» [6].

Хронотопический образ Сибири, традиционно интерпретируемый как образ смерти в мифологическом ее понимании [9], становится для военнопленных не просто местом каторги и ссылки: для них Сибирь ассоциируется с безысходностью и обреченностью. «Это место, которое невозможно преодолеть, здесь они стареют и мучительно замечают, как проходит их жизнь, как из жизни уходят друзья и товарищи. Здесь все становится бессмысленным, Сибирь истощает и лишает их надежд. Люди теряют в лагерях смысл жизни и не понимают, как можно будет жить дальше после всего пережитого» [1, с. 25]: *Ist für mich nicht die ganze Welt durch diesen Krieg ein einziges Sibirien geworden? Ja, ist nicht für uns überall: Sibirien?* <...> *“Und ich soll leben können wie einst?” <...> Nach alldem? Schlafen und wachen? Essen und trinken? Nach alldem? Vielleicht heiraten? Kinder zeugen* [11, S. 303-304]? / Разве из-за этой войны весь мир не стал для меня сплошной Сибирью? Да, разве не повсюду для нас Сибирь? <...> «И я смогу жить как прежде?!». – кричу я в землю. После всего? Ложиться спать и вставать? Есть и пить? После всего? Возможно, жениться? Наплодить детей? [6]. Использование автором такой цепочки риторических вопросов многократно усиливает ощущение безысходности от сложившейся ситуации и одновременно направлено на то, чтобы читатели задумались вместе с автором над происходящими событиями.

В некоторых контекстах говорится о внешности и об образе жизни сибиряков, в которых чувствуется сила, мощь, настоящая жизнь, но отмечается и их жестокость, и любовь выпить. Однажды часовой оказывается на посту с бутылкой водки. Вереникин, адъютант коменданта, выхватывает у него бутылку и бьет ею часового по голове. Придя в себя, он начинает торопливо лакать из лужи, натекшей из бутылки [Там же].

«Сибирский» текст Двингера представлен топографическими реалиями на фоне исторических событий, охвативших Россию в начале XX века, названы города и населенные пункты, через которые проходил путь военнопленных во время их пересылки из лагеря в лагерь, описывается окружающая природа, отвратительные

условия в вагонах, в которых им приходилось ехать, а также люди, которые их сопровождали. Так «сибирский» компонент участвует в формировании образа России. В целом в мемуарах создан негативный образ страны с невыносимыми природно-климатическими условиями, доминирует образ бесконечной и холодной страны, чужой, неизведанной и непонятной. Данные характеристики региона говорят о стереотипном характере имеющихся представлений, на которые накладывают свой отпечаток суровые реалии сибирской жизни, картина мира, житейский опыт, уровень образования и пр.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы с целью дальнейшего изучения образа Сибири в рамках сибирского мегатекста, а также образа России в целом на иных материалах. Хотя, исходя из сложившейся ситуации в мире, можно говорить о том, что сформировавшийся образ России как врага, чужого, иного и неправильного государства, государства варваров и произвола практически не меняется с течением времени. Отношение к России формируется в рамках политики двойных стандартов и является не вполне адекватным. Как сказал В. В. Путин, «должно прийти осознание, что это контрпродуктивно и вредит всем» [5]. Однако на данный момент важно не то, какой образ России создан, а какой она является на самом деле, в том числе и для самих россиян.

Список источников

1. **Банман П. П.** Образ России на материале мемуаров Э. Э. Двингера “Die Armeehinter Stacheldraht” // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь: Издательство ПНИПУ, 2016. № 4. С. 19-29.
2. **Банман П. П., Леглер А. А.** Образ Германии и образ России как «свое» и «чужое» (на материале мемуаров Э. Э. Двингера “Die Armeehinter Stacheldraht”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 69-71.
3. **Би-би-си: отношение к России в мире ухудшается** [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurosmi.ru/485bi_bi_si_otnoshenie_k_rossii_v_mire_uhudshaetsya.html (дата обращения: 15.06.2017).
4. **Вице-президент США назвал Россию в числе трех главных глобальных угроз** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/06/06/693197-vitse-prezident-ssha-rossiyu> (дата обращения: 15.06.2017).
5. **Встреча с руководителями международных информационных агентств** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54650> (дата обращения: 15.06.2017).
6. **Двингер Э. Э.** Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915-1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/german/dwinger_ee01/index.html (дата обращения: 15.06.2017).
7. **Матвеева Т. В.** «Свое» и «чужое» как способ самоидентификации культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 117-119.
8. **Родигина Н. Н., Ледовских А. Ю.** «Зависть к “этому русскому”, которому господь отдал всю такую прекрасную страну»: компаративный анализ репрезентаций Сибири в путевых заметках иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 98-105.
9. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. 336 с.
10. **Тюпа В. И.** Мифопоэтика сопряжения художника и жизни // Новый филологический вестник. М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2011. № 3 (18). С. 122-137.
11. **Dwinger E. E.** Die Armeehinter Stacheldraht: Das sibirische Tagebuch. Jena: Diederichs, 1929. 308 S.
12. **Wurzer G.** The literary interpretation of Edwin Erich Dwinger’s war experience // QUAESTIO ROSSICA. Екатеринбург: УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. № 1. С. 94-111.

SIBERIAN COMPONENT IN RUSSIA’S IMAGE (BY THE MATERIAL OF E. E. DWINGER’S MEMOIRS)

Banman Polina Pavlovna, Ph. D. in Philology
North Caucasus Federal University, Stavropol
banman.poly@yandex.ru

On the basis of E. E. Dwinger’s memoirs “Die Armeehinter Stacheldraht” (1929) the paper examines the problem of Siberian component of Russia’s image in the period of the First World War. Special attention is paid to studying geographical and political-ideological components of Siberia’s image. Being ego-document of the time, the analyzed text is included into the Siberian mega-text clearly representing the negative perception of both Siberia and Russia on the whole. Textual representations from the memoirs justify the existence of stereotyped conceptions of Siberia and Russia.

Key words and phrases: memoirs of German war prisoners; E. E. Dwinger; image of Russia; image of Siberia; Siberian mega-text; precedent toponyms.